

Матьяна
Алюшина

Читайте романы
Татьяны Алюшиной

Дом, где исполняются мечты
Далекий мой, единственный
Беглая невеста
С молитвой о тебе
Любовь без права на ошибку
Мой слишком близкий друг
Девочка моя, или Одна кровь на двоих
Два шага до любви
Двое на краю света
Две половинки
Девушка с проблемами
Запутанные отношения
Все лики любви
В огне аргентинского танго
Свидание вслепую
Чудо купальской ночи
Влюбиться в жертву
Больше, чем страсть
Красота по-русски
Любовь со вкусом вишни
Моя нечаянная радость
Девушка-праздник
Тот, кто назначен судьбой
Девушка из нежной стали
Неправильная невеста
Утоли мои печали
Счастье любит тишину
Коллекция бывших мужей
Белоснежный роман
Сердце просит счастья
Руки моей не отпускай

Матьяна Алюшина

Белоснежный
роман

Роман

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А59

Художественное оформление серии *С. Власова*

Редактор серии *В. Горюнова*

Алюшина, Татьяна Александровна.

А59 Белоснежный роман : роман / Татьяна Алюшина. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-153984-9

В тесном уютном мирке якутской гостиницы во время разыгравшегося бурана вспыхивает любовь между Настей и Максимом Вольским. Она — женственная, интеллигентная, из хорошей московской семьи с традициями, он — герой-вертолетчик, закаленный жизнью мужчина с внешностью бандита 90-х. Расследуя загадочное исчезновение одного из постояльцев, они многое узнают друг о друге и пытаются понять, что будет с их отношениями, когда закончится буран.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-153984-9

© Алюшина Т., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

*Моей сестричке Светлане,
вдохновляющей меня на многое,
посвящается с любовью.*

Аэропорт местный был небольшой, симпатичный и какой-то на удивление уютно-домашний; это ощущение домашности и невидимой приветливой улыбки Настасья еще по прилете отметила про себя и все непроизвольно улыбалась в ответ.

Расположился местный аэропорт, как и подобает, за городом, но виден был издалека, приветливо и радостно посверкивая на солнышке чистенькими, свежотремонтированными фасадами, словно похваляясь новеньким праздничным нарядом.

Как объяснила ей Валерия Яковлевна, встречавшая ее, в прошлом году аэропорт отремонтировали основательно, что-то даже модернизировали в нем и в системах обслуживания, в свете каких-то там серьезных новых авиационных стандартов и требований, однако это все равно мера временная, поскольку требуется полная реконструкция по современным технологиям и параметрам. Что и планируется сделать в ближайшее же время.

— И уж стройку налаживают, видите там, — она указала рукой вправо за взлетную полосу

на ангары и постройки. И похвалилась: — От так. А как же. И у нас тут цивилизация и эти самые, как их, господи прости, называют-то по современному... — наморщила она лоб, вспоминая, и улыбнулась, таки вспомнив, — инновации. О!

Рассказывала она про дела и новости городские обстоятельно, делилась с удовольствием, как человек, знающий, о чем говорит, и радующийся таким делам грядущим.

Впрочем, практически все жители этого маленького городишки про все, что происходило в нем, знали доподлинно и из первых рук, а сам мэр раз в неделю выступал по местному телевидению и подробно докладывал о городских делах.

В том, что любая информация распространяется здесь со скоростью лесного пожара, Насте пришлось удостовериться на собственном примере — стоило ей прилететь и поселиться в гостинице, как уже через час практически весь город был оповещен о том, кто она, откуда прибыла, по каким надобностям к кому приехала. О ней и цели ее приезда даже по радио передали в местных новостях, как о некоем важном событии.

Одуреть!

А еще здесь все здоровались друг с другом, даже незнакомые люди.

И улыбались при этом! Улыбались, представляете, радушно, открыто, словно ты их родственник любимый или давнишний друг-товарищ! Это вообще что-то, как в другое измерение попала.

Хотя... может, и попала. Тут вообще все не так, как в других краях, а уж тем более в столице. Она,

столица та самая, дале-е-екая и важная, как-то там сама по себе важно раскинулась, а жизнь, насыщенная и настоящая, она вот здесь, например.

Север. Полярный круг. Якутия.

И этого Севера и Полярного круга с Арктикой за ним как-то очень до хрена, уж извините, и на-а-а-много побольше будет, чем какой-то там Москвы с Питером, вместе взятых, со всеми их понтами и представлениями о жизни.

Это не Настины мысли и высказывания, она в такие размышления не пускалась. Это практически прямая цитата из речи Темыча, как его все называли, соседа Валерии Яковлевны, разъясняющего со смешком, улыбочкой и проскальзывающим, завуалированным матком почти столичной Настасье реалии того непростого места, куда она попала.

Не в сказку, но близко.

За три дня пребывания она «калориту» этого, как говаривал тот же упомянутый сосед Валерии Яковлевны Темыч, набралась с лихвой и, знаете, с радостью — так ей нравились эти люди, их городишко, их жизнь. И это ощущение чего-то сильного, настоящего, мощь этого необъятного края, чувствующаяся здесь во всем...

Что-то как-то ее того... занесло в непонятный пафос, или ей просто было здесь хорошо? И люди замечательные встречались — а, вот это точно! Или это от возникшей уверенности, что с ее важным, главным делом все обязательно сладится и получится наилучшим образом, раз за него взялась с таким энтузиазмом Валерия Яковлевна. Ладно, занесло и занесло. А насчет дела своего ра-

новато она обрадовалась — непростое оно, дело это, времени и терпения требует. Посмотрим, как там будет и что получится.

Теперь она вот улетает.

Но утверждение «улетает» слишком оптимистичное, а произойдет ли это на самом деле — под большим сомнением.

— Как бы погода не поменялась, — задумчиво произнесла Валерия Яковлевна, когда они прощались, тревожно глядя на горизонт.

Настя тоже посмотрела на горизонт следом за ней и ничего, кроме чистого синего бескрайнего высокого неба, не обнаружила.

— Суставы с утра крутит, — пояснила Валерия Яковлевна, — а это всегда к непогоде, резкой и затяжной. — И улыбнулась ободряюще: — Но, даст бог, улетите, успеете.

Они очень тепло попрощались, наверное, в сотый раз напоследок обсудив их дело, и Настя отправилась в гостиницу собираться, а оттуда, вызвав такси, поехала в аэропорт.

Людей в зале ожидания оказалось неожиданно много.

Ну, как много — полным-полно! Все кресла были заняты как людьми, так и их вещами — чемоданами-баулами, и у стен кое-кто на своих вещах на полу пристроился сидеть, а то и спать. В единственном малюсеньком кафе выстроилась длинная очередь к прилавку, и все столики были плотно заняты людьми, которые явно надолго здесь обосновались.

Настя протиснулась между потоками мигрирующих по залу людей к экрану расписания и с унынием просмотрела информацию о задержке практически всех рейсов.

Ох, не зря у Валерии Яковлевны суставы крутит, ох, не зря!

Это она поняла еще по дороге в аэропорт, заметив из окна такси темную массу облаков, появившихся на горизонте, а ведь еще час назад небо было чистое, как слеза.

Но пока все было непонятно и туманно — на табло не высвечивалась информация, на сколько конкретно задерживают ее рейс, может, еще и улетит, хотя даже регистрацию не объявили.

Она покружила по залу, выглядывая, может, найдется где местечко, чтобы присесть. И все неосознанно поворачивалась назад, поглядывая время от времени на свой багаж, удивляясь, что как-то непривычно тянуть за собой лишь небольшой стильный чемоданчик на колесиках и не нужно бесконечно беспокоиться о хрупком, нежном и нестандартном грузе, суется вокруг него и по тысяче раз напоминая грузчикам, как с ним следует обращаться.

Сколько она с этим грузом пропутешествовала, намучившись, изнервничавшись вся от не проходящего ни на минутку переживания: как он там? Ну, тысячи километров точно, через четыре города, в разных концах Якутии. А еще и до нее самой, до Республики Саха этой самой, загадочно-просторной добиралась.

А тут вдруг раз, и никаких напрягов — простой багажник, и все дела. Непривычно совсем и странновато как-то.

Но все, домой теперь. Ну, почти домой.

Настасья заприметила одно свободное кресло и торопливо принялась пробираться к нему через горы сумок, чемоданов, людей, ноги, играющих тут же детей, пока кто-то другой не опередил и не занял место.

На самом-то деле кресло было, скажем так, условно свободным, потому как в соседнем устроился сразу же не понравившийся и сильно настроживший ее индивид мужского пола — вытянув вперед и положив одна на другую ноги, скрестив руки на груди, засунув ладони в подмышки теплой летной куртки, в которую был облачен, укутавшись до макушки в поднятый меховой воротник, спал себе мирно здоровый такой мужик. А рядом с ним на соседнем сиденье, том самом, которое и присмотрела для себя Настена издалека, стояла здоровенная брезентовая сумища в форме вытянутого толстого цилиндра.

Такой армейский баул Настя однажды видела, когда к ним в институт прямо с аэродрома завалялся муж ее коллеги, офицер каких-то там необыкновенных войск. Так вот у него был точно такой же цилиндр, он еще тогда объяснил заинтересовавшейся странной конструкцией Насте, что цилиндр этот можно носить как сумку, а можно и как рюкзак.

Очень удобно и все в нем, в этом чудо-бауле, продумано грамотно для укладки багажа. Муж коллеги еще долго расписывал какие-то еще там неоспоримые достоинства обыкновенного на вид тряпичного изделия, оказавшегося на удивление вместительным.

Вот перед такой вот цилиндрической штукавиной Настя и остановилась в некотором замешательстве.

Первым делом она попыталась воззвать к совести гражданина.

— Товарищ, — чуть наклонившись поближе, твердо обратилась она к спящему субъекту, не отреагировавшему на ее призыв. — Товарищ, — повторила Анастасия более настойчиво и даже руку протянула, но не рискнула все же его тормозить, лишь попросила довольно громко: — Будьте добры, уберите свои вещи с сиденья.

Ноль реакции. Собственно, что и требовалось ожидать.

— Ну, ладно, — пробурчала она еще более решительно и принялась стаскивать с кресла баул.

Получилось, разумеется, но оказалось тяжело. Что он туда насовал вообще? Вот что-то ей подсказывало, что вряд ли собрание сочинений Толстого Льва Николаевича или пару-тройку костюмов от итальянского Brioni и набор туфель ручной работы от Berluti.

Это она просто ворчала про себя и язвила от расстройства и постепенно крепнущего ощущения, что фиг она сегодня куда полетит, разве что вон мужик этот встрепенется ото сна и пошлет по конкретному направлению за такое самоуправство с его имуществом, да еще ускорения придаст пинками.

Все это невесело прокручивала в голове Настя, перетаскивая тяжелую сумищу с кресла на пол, крикнула тихонько от неожиданности, когда пришлось придержать баул в момент отрыва его от сиденья, быстренько стрельнула взглядом на

мужика — не увидел ли, как она нелюбезно с его вещичками тут обращается.

Не, не увидел — спал себе, не обращая на ее возню никакого внимания.

Ну и хорошо, и спи, дядечка, чего уж теперь.

Она уселась на освободившееся место, огляделась по сторонам и осторожненько так ножкой, ножкой, чтобы никто не заметил, подвинула-подвинула конус баула в сторону мужика и тихо-о-онечко привалила его к бедру хозяина.

«Фу, ну все, — мысленно выдохнула Настасья, — пристроилась».

Поставила рядом с собой чемодан, уложила дамскую сумочку на колени и осмотрелась вокруг более спокойно и вдумчиво. Народу набилось в небольшом зальчике ожидания — не протолкнуться. Тут были и пассажиры на все задержанные рейсы, и встречающие. И пока ни одной регистрации не объявили, да и точной информации по задержкам не дали.

Ну что ж — сидим ровно, ждем.

Она вздохнула в унисон своим крепнущим сомнениям, повернула голову и посмотрела за большое окно слева от нее через три сиденья и проход у стены.

Так и есть, снова вздохнула она, утверждаясь в своих нерадостных предположениях — черной бедовой темнотой напознала, неотвратимо накрывая сизым брюхом городишко, метельная туча.

Не улетит она никуда сегодня, вот как пить дать не улетит, в третий раз вздохнула Настя и перевела взгляд от наглой черной захватчицы на небе на мирно спящего соседа.

Вот кому было все глубоко пофиг, так вот этому. Спит себе человек, посапывает — не храпит, а именно что посапывает, да так уютно, словно в кровати на перине устроился, а не на жестком сиденье аэропортного узкого креслица.

Настена уловила некий характерный запах, исходящий от него, и даже повела носом, чуть склонившись к соседу, — ну, точно, выхлопец характерный исходит от товарища.

Совсем у человека все хорошо — выпил-закусил и спит себе. Никаких проблем!

Даже позавидуешь.

И пахло-то от него, надо заметить (от нечего делать принялась размышлять она, чтобы хоть чем-то занять голову и отвлечься от нерадостных мыслей), не водкой дешевой, настоящей на крепкой закуске из мяса-лука-чеснока, и даже не борщом с соленьями и не рыбой или еще чем традиционно закусочным, а чем-то хоть и явно спиртовым, но с легкими фруктово-цветочными нотками.

Эстет, что ли, какой, присмотрелась она к спящей фигуре с большим сомнением, но повнимательней, или одеколоном балуется?

Ни на эстета, ни на одеколощика мужик похож не был даже по внешним, так сказать, признакам — одежда на нем из разряда дорогой простоты, добротная, дорожная, не из дешевых китайских, и чистая. И ботинки вон дорогие известной фирмы специально для полярных условий.

А больше ничего и не скажешь — лица-то не видно — просто здоровый выпивший мужик. Спит.

Тут что-то в «эфирах» аэропортных блыmkнуло, народ мгновенно замер, как африканские сурикаты, которые застывают столбиками, заподозрив близкую опасность, и замолчал в ожидании приговора, так что повисла абсолютная тишина. И в этой тишине по громкой связи объявили об отмене всех рейсов на неопределенный срок, о котором будет сообщено отдельно.

«Целуем, администрация», — уныло подумала, выслушав объявление, Настасья.

И тут неожиданно закопошился тот самый подозрительный сосед слева, как медведь в берлоге, почувствовавший весеннюю оттепель, — спал и спал себе беспробудно, уж как-то все привыкли вокруг, и вдруг на тебе — ожил, задвигался! Настасья аж развернулась в его сторону, чтобы наблюдать дивное явление. А мужик извлек из подмышки ладонь-лопату, отогнул край воротника и внимательнейшим образом уставился на нее.

Из образовавшегося мехового отвала на Настю смотрела сильно помятая, с покрасневшими глазами, заросшая щетиной какая-то полубандитская рожа, с усиливающими эффект этой ассоциации сломанными, как у профессионального борца, ушами, прижатыми к черепу, с кривоватым носом, явно пострадавшим в какой-то давней драке, а то и не раз, с белым маленьким шрамом на лбу и коротко стриженными густыми, какими-то пегими, непонятного оттенка волосами, торчавшими из-под сдвинутой на затылок кожаной шапки с меховой подбивкой.

— Ну что? — обдав ее явственным фруктово-спиртовым амбре, с хрипотцой ото сна требова-

тельно спросил мужик у Насти с некими нотками недовольного ворчания в голосе.

— Что? — Не ожидавшая такого нахрапа, она не успела решить, пугаться ей или еще подождать, и как-то само собой получилось, что подождать.

И уставилась в покрасневшие глаза на заросшей щетиной бандитской физиономии. И то ли испугу, то ли отчего еще у нее как-то вдруг ощутимо так екнуло сердце, и стало жарко в животе.

А вдруг и правда бандит какой?

— А то, что накрылся наш полет по ходу! — прохрипел он насыщенным полубасом, обдавая ее все тем же выхлопом.

— Господи боже, чем накрылся? — от растерянности и легкого испуга спросила Настасья, запоздало сообразив, что откровенно подставляется под грубость таким вот своеобразным вопросом.

У мужика тут же «всколыхнулась» вся мимика заспанного лица, брови начали приподниматься, на лице появилось натужное сожаление, он вдруг сделал непонятные пассы рукой в воздухе, изображая нечто невразумительное и, сопроводив эти покручивания ладони движением головы, выдал с натугой:

— Как бы вам так... куртуазно объяснить, чем накрылся, барышня, — затруднился он с разъяснениями. — Вы же девушка... — что-то вновь попытался изобразить он помятым лицом, дополняя слова очередным жестом руки — ... такая...

— Не надо куртуазно! — поспешила Настя остановить его потуги, протестуяще вытянув руку, и поторопилась исправить ошибку: — Вопрос был глупый. Извините.

— Вы это серьезно? — На лице мужика совершенно явственно изобразилось удивление.

— Что? — растерялась Настя.

— Да вот это: «извините»?

— Ну, что такое? — как-то враз расстроилась она от нелепости разговора.

А он кашлянул, обдав Настю в очередной раз своеобразным фруктово-ягодным амбре, отчего она непроизвольно слегка скривилась, удержавшись, однако, от демонстративного помахивания ладошкой.

Совсем ведь чуть-чуть и неосознанно скривилась, но мужик все же заметил это ее пусть и мимолетное выражение, прикрыл рот рукой, как бы извиняясь, и вдруг понес не пойми что:

— Пардоньте-с. Я вообще-то малопьющий. Ну, бывает, так, по-мужски, компанией, или в праздники какие, это ж обязательно, все же Север у нас, не какой-нибудь кисель. Или на рыбалке там, на охоте. Но друзья вот провожали в отпуск, — и он тягостно вздохнул, — тут уж не отвертишься.

— Вы зачем мне это все говорите? — поразила Настасья столь прочувствованной оправдательной речи явно не страдавшего излишней скромностью незнакомца.

— Ну, как же, — чистосердечно подивился он. — Вы такая девушка... — и тут вновь пошли непонятные выкрутасы рукой, видимо, в поисках точного определения — ...барышня... Правильная... А я тут со своим простонародным выхлопом. Непорядок.

Настя уставилась на него во все глаза, слушая столь красочную самоуничижительную тираду, и вдруг в один момент поняла, что все это стеб чи-

стейший, что мужик с удовольствием «отрывается» и так «влегкую» веселит самого себя, развлекаясь над дамочкой приезжей.

И в этот момент ей стало отчего-то так спокойно, словно все непредвиденные трудности разрешились сами собой и теперь уж все обязательно наладится.

А еще она развеселилась по-настоящему, от всей души этому его мужскому стебу над столичной штучкой — а почему нет? А то она, понимаешь, «товарищ», и «вещи приберите», и ножкой-ножкой втихаря баульчик толкала от себя подальше, и вся такая «фи, Боже мой!».

Ну а что, нет? Да. Есть такой момент.

И, чуть запрокинув голову назад, Настасья искренне, не сдерживаясь, расхохоталась.

И смеялась, смеялась аж до слезы.

А подуспокоившись немного, продолжая остаточко посмеиваться, посмотрела на соседа, так повеселившего ее, и хотела было что-то сказать ему про разыгранную сцену, похвалить даже, да так и не сказала.

Как споткнулась о непрстой взгляд мужчины, пристально и чуть удивленно рассматривавшего ее с очень серьезным непонятым выражением. Было ясно, что размышляет он именно что серьезно и над чем-то весьма важным, касающимся непосредственно ее.

«Ну вот еще! — подумалось Настасье. — С чего бы вдруг?»

Но насторожилась.

— Ну, что? — с нарочитой бодростью спросила она, предпринимая попытку сгладить все не-

допонимания, возникшие на пустом месте, и избежать этот прямой изучающий взгляд незнакомца. — Чем бы там все ни накрылось, понятно, что мы уже никуда сегодня не полетим, но хотелось бы знать хоть приблизительно, когда же. Вы так не считаете?

Он порассматривал ее еще какое-то непродолжительное время все с тем же странным, очень задумчивым видом и, словно переключившись в один момент, взбодрился — подтянул ноги, сел ровно, отогнул совсем воротник и расправил его, стянул с головы шапку, затолкал ее в карман куртки и потер голову пятерней (видимо, подразумевалось, что таким образом «причесал» короткие жесткие волосы). Настю в очередной раз поразила сложная мимика его лица, оно вдруг как-то неохотно помялось, пошло волнами, и губы таки соизволили сложиться в подобие более-менее приветливой улыбки.

— Ну, давайте узнаем, когда, — кивнул он, словно согласился с ее навязчивым предложением.

И неожиданно поднялся с кресла, оказавшись на самом деле здоровым, крепким мужиком, потянулся эдак всем телом, как большой опасный зверь, сделал пару резких движений локтями назад, разминая затекшие мышцы, покрутил головой, потер с силой шею, видимо, затекшую во время сна в неудобной позе, легко подхватил и закинул на плечо свой баул-цилиндр и предложил:

— Ну что, красавица, сидите? Идемте узнаем действительно, сколько нам тут чалиться.

— Что делать, простите? — переспросила она, не сообразив сразу, что это за жаргон.

— Сидеть в смысле, — хмыкнул он, поясняя, и протянул ей открытую ладонь.

Добротная такая мужская ладонь оказалась с застарелыми мозолями, не грузчика портового, но человека, не чурающегося делать что-то своими руками. Может, и что-то тяжелое. Бог знает, не эксперт она в мужских мозолях, ей все больше нежно-интеллектуальные индивиды попадались.

Она так посидела-посидела, посмотрела-посмотрела на эту его протянутую, ожидающую руку и решительно вложила в нее свою ладошку.

— Давайте узнаем, сколько чалиться, — перездразнила она его.

А мужик снова хмыкнул, и на этот раз Настя отчетливо поняла, что хмыкнул он по поводу ее такой смелой решительности.

Мягко ухватив ее ладонь, он повел Настасью между рядами сидений, обходя людей, их вещи, сумки, детей, чемоданы. А после первого же «затора», через который они пробирались, молча перехватил у Насти ее чемоданчик. И как оказалось, направлялся он совсем не в сторону справочного окошка, у которого уже выстроилась большущая толпа, перегородившая ближайшие проходы, а к одной из стоек регистрации, за которой две девушки в форменной одежде аэропорта заполняли и проверяли какие-то бумаги.

— Девоньки мои дорогие! — задорно обратился к ним мужик. — Красавицы мои! Мы тут вам вещички ненадолго оставим. Присмотрите, лады?

Настя от такой простоты несколько оторопела, притормозив даже слегка, ожидая, что их прямо сейчас легко и ненавязчиво пошлют в определен-

ном при таких топорных заходцах направлении, но ошиблась.

Девушки как по команде, одновременно оторвавшись от бумаг, которыми занимались, подняли головы, посмотрели на говорившего и так же одновременно расплылись в добрейших лучезарных улыбках.

«Чудеса-а-а», — подумалось Настене.

— Конечно, конечно, Максим Романович, — старательно уверила одна из них, очень приятная якуточка.

— Мы к Петровичу ненадолго, — пояснил мужчина, неожиданно оказавшийся Максимом Романовичем, которому так очаровательно улыбаются девушки, скинул с плеча свою сумку и поставил за стойку вместе с Настиным чемоданом. Бросив взгляд на бейджик, приколотый на обшлаг форменного пиджачка девушки, он попросил:

— Оленька, ты нам двери открой, чтобы я никого не тревожил.

— Идемте, — сразу же радостно согласилась та самая красавица якуточка, вышла из-за стойки и поспешила вперед.

— Максим Романович, — продолжая улыбаться, обратилась девушка к мужику, семена чуть впереди, отчего ей приходилось оборачиваться, — зачем вы в общем зале устроились, могли же в ВИПе отдохнуть...

— Да ничего, Оленька, мне так привычней, — уверил товарищ, все больше настораживавший Настю тем, что так неожиданно оказался личностью не рядовой.

По крайней мере в этом аэропорту не рядовой.